

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.		Стр.
✓ Засѣданіе первое (22-го декабря 1867 года).....	1—3	✓ Крест. С. А. Дударева, сельскіе обичаи въ нѣ- которыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Чернигов- ской губерніи.....	71—76
✓ Ст. Верховича, описаніе быта Болгаръ населя- ющихъ Македонію.....	3—18	✓ Засѣданіе девятое (1 ноября 1873 года).....	76—77
✓ Н. Г. Керцелли, о появленіи ламаизма въ Забай- кальи и о вліаніи его на бытовую жизнь Бурята- кочевника.....	18—21	Е. В. Барсова, обзоръ этнографическихъ дан- ныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдо- мостяхъ за 1873 годъ.....	77—83
✓ Засѣданіе второе (20 апрѣля 1868 года).....	21—26	✓ Н. Г. Керцелли, объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго Бурятами.....	84—87
✓ Объ этнографическихъ трудахъ московскаго митро- полита Иннокентія.....	26—29	✓ Е. В. Барсова, сѣверныя сказанія о лембохъ и удѣльничихъ.....	87—9
✓ Лос. Калоусека, обзоръ этнографической лите- ратуры о Чехахъ и Словакахъ.....	30—40	✓ Засѣданіе десятое (29 января 1874 года).....	91—93
✓ Засѣданіе третье (12 октября 1868 года).....	40—41	✓ Е. В. Барсова, замѣтка изъ этнографіи сѣверна- го края.....	93—95
✓ Свящ. А. Примѣрова, одежда каменно-брод- скихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи.....	42—44	✓ Засѣданіе одиннадцатое (19 марта 1874 года)....	95—100
✓ А. К. Антоніова, Домашній бытъ маріуполь- скихъ Грековъ.....	44—47	✓ Е. П. Добрянкиной, обичай хороненія Ко- строми въ Муромскомъ уѣздѣ.....	100—104
✓ Дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ.....	47—48	✓ Н. А. Покровскаго, изъ исторіи народнаго двоевѣрія.....	105—108
✓ Засѣданіе четвертое (27 марта 1869 года).....	48—55	✓ Засѣданіе двѣнадцатое (23 апрѣля 1874 года)....	108—110
✓ Засѣданіе пятое (9 октября 1869 года).....	55—62	✓ Е. В. Барсова, Юрьевъ день.....	110—114
✓ Засѣданіе шестое (12 октября 1870 года).....	63	Квашнина-Самарина, о кладомскателяхъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.....	114—118
✓ Е. А. Попова, замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрѣдахъ въ Вологодской губерніи.....	64—68		
✓ Засѣданіе седьмое (4 октября 1871 года).....	68		
✓ Н. Г. Керцелли, нѣсколько словъ о мезенскихъ Самойдахъ.....	69—71		

шительныхъ какъ громъ большихъ и малыхъ литавръ, сильныхъ звукомъ огромныхъ мѣдныхъ трубъ (бурэ), пискливыхъ гоплиновъ и раздражающихъ душу своими ударами мѣдныхъ тарелокъ или цономъ одну объ другую, звона колокольчиковъ и бубенчиковъ. Наконецъ вся эта торжественная процессія останавливалась передъ бункономъ (часовнею) въ степи на сѣверной сторонѣ кумирни. Ламы сѣли полукругомъ по разостланнымъ на сѣгу войлокамъ, а музыканты помѣстились за ними во второмъ ряду и начался гурулъ (молебень). Главная часть его состояла изъ освященія воды

(аршіана) черезъ отраженный ликъ бурхана-Майдори, въ металлическомъ зеркалѣ, которое держали Унзеты передъ нимъ. Освященную воду сливали въ бомбо (сосуды) и разносили присутствующимъ ламамъ. Это переливаніе воды въ бомбо служило преобразованиемъ явленія Майдори въ мірѣ, какъ будущаго властителя. Потомъ началось угощеніе чаемъ, затѣмъ опять пѣніе молитвъ и музыка. Послѣ того колесницу перевезли къ восточному бурхану, гдѣ началось повтореніе той же церемоніи, и когда полная луна выкатилась изъ за горъ, торжество окончилось.

III. СѢВЕРНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЛЕМБОЯХЪ И УДЪЛЬНИЦАХЪ.

Находясь въ непрерывной и неустанной борьбѣ со стихіями суровой природы, не вѣдая силъ и законовъ ея явленій, страдный сѣверный крестьянинъ живетъ подъ воздѣйствіемъ страхованій другодольныхъ. Едва ли гдѣ до нынѣ эническое міросозерцаніе имѣетъ такое широкое, всѣвластное жизненное значеніе, какъ въ предѣлахъ этаго края. Въ силахъ и явленіяхъ природы жители его до нынѣ видятъ и ощущаютъ дѣйствія живыхъ существъ другаго міра. Туманъ демонологіи облегаетъ жизнь народа и отравляетъ его покойныя минуты. Надъ страдой крестьянства виситъ еще болѣе тяжелая страда нравственная. Всюду преслѣдуетъ его нечистая сила: въ горахъ, лѣсахъ, мхахъ и болотахъ, она гонится за нимъ въ полѣ, озерѣ и морѣ; онъ встрѣчаетъ ее въ подовинѣ, на дворѣ и у себя дома; она сидитъ наконецъ за его столомъ и ждетъ, когда онъ сядетъ и немытыми руками возьметъ кусокъ или ложку и будетъ ѣсть безъ благословенія. Поднимется ли и завоюетъ вихорь, — то воетъ и бушуетъ она, нечистая сила; высыхаетъ-ли рѣчка, взволнуется-ли озеро, треснутъ-ли ущелья каменисты, это она пируетъ или борется — нечистая сила. Вотъ одержать человѣка разные боли и недуги, — это пришло или сдѣялось, это она нечистая сила или хватаетъ, или студитъ, или разжигаетъ тѣло человѣка.

Такое жизненное и всѣвластное значеніе этой другодольной силы показываетъ, что изученіе народныхъ демоноскопій представляетъ не одинъ только научный интересъ, но имѣетъ и практическую важность для народнаго образованія.

Сѣверныя народныя сказанія о происхожденіи демонической силы гностико-манихейскаго происхожденія. Они проникли къ намъ съ богомилскою повѣстію—о зачатіи неба и земли и тѣмъ легче усвоены народомъ, чѣмъ больше отвѣчали его дуалистическому міровоззрѣнію. Если въ рукописяхъ передаются

они съ риторскими распространеніями и узорами, то въ живыхъ народныхъ пересказахъ они обнаруживаютъ эническій характеръ.

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваофъ на землю и спросилъ: *кто здѣ е?* И откликнулся сатана и рекъ: *я здѣ е.* И спросилъ Саваофъ сатану: Есть ли гдѣ земля, не видалъ ли?

Есть на днѣ моря отвѣчалъ сатана. Сходи же на дно моря и достань земли.

Обернулся сатана гоголемъ, нырнулъ на дно морское и въ ротъ земли нанихалъ. Но поколь оттолъ воздымался, водой размыло землю и онъ вынырнулъ ни съ чѣмъ.

Саваофъ послалъ его другожды. Но и на другой разъ тоже случилось. Стыдно стало сатанѣ, а Саваофъ его укоряетъ и говоритъ: *«немоощенъ братъ ты. — Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону-дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословишь у младенца и тогда возми землю»*.

Нырнулъ сатана въ третій разъ: сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваофъ и принесъ земли. Взялъ Саваофъ эту землю и разсѣялъ въ восточную сторону и стала чудная, прекрасная земля. И спросилъ Саваофъ сатану: *вся ли тутъ земля?* Вся, сказалъ сатана, а самъ держитъ частицу за щекой. А земля за щекой стала расти-прибывать, а щеку стало раздувать. Видитъ сатана, что не обмануть ему Саваофа: взялъ да разсѣялъ ту землю въ сѣверную сторону и стала тутъ земля *холодная, каменистая и нехлебородная*.

И вадумалъ Саваофъ создать себѣ полки воиновъ, далъ сатанѣ молотъ въ руки и велѣлъ бить въ каменную гору правой рукой, а самъ пошелъ на востокъ рай насаждать. Боговъ товарищъ началъ молотомъ въ камень бить, изъ камня воины свѣтлы начали выскакивать, да на востокъ Богу кланяться, билъ до

того, что рука устала, попробовалъ бить лѣвой рукой. Лишь только ударилъ, выскочилъ чернѣйшій да и поклонился молотобойцу. Смѣкнулъ сатана въ чемъ дѣло, да и давай лѣвой рукой колотить; до того билъ, што чуть чуть со свѣтлыми полками не сравнился. Той порой Саваофъ дѣло свое сдѣлалъ и пришелъ жъ сатанѣ. Пришелъ и видить дѣло плохо; что дѣлать? взялъ скорѣй зааминилъ. Перестали выскакивать силы нечистыя, а сталъ выскакивать только огонь, какъ и теперь бываетъ при ударѣ желѣзомъ въ камень. Возгорчился Саваофъ и задумалъ раздѣлиться съ товарищемъ; но тотъ не то и говорить; сталъ хвастаться силы богатствомъ. Пошло на раздоръ; Саваофъ построилъ небо, а сатана другое-выше того, Саваофъ построилъ еще небо, а сатана выше того. Сдѣлали они по семи небесъ—а сатана все выше забирается. Зааминилъ скорѣй Саваофъ и велѣлъ Михаилу Архангелу столкнуть сатану на землю со всѣми его небесами и со всей его силой невидимой. Пошелъ Архангелъ Михаилъ, а тотъ и на версту недопустить его къ себѣ. Саваофъ послалъ его другожды, но сатана отогналъ его еще дальше. Сталъ посылать его Саваофъ третій разъ, но онъ отвѣчалъ: *боюсь, Господа, опалитъ*. Тогда Саваофъ сказалъ Михаилу Архангелу: «опустись ты на землю къ черному морю, увидишь на берегу икону, дѣву съ младенцемъ; благословишь у младенца и ступай на сатану». Сдѣлалъ Архангелъ по слову Господню, столкнулъ сатану съ неба, спровергъ небеса и всю силу его и валилось сатанинскіе силы, аки мелкаго дождя, шесть недѣль. Много пало ее на землю, а больше того осталось на воздушѣхъ.

Кромѣ силъ сверженныхъ съ небесъ, которые дерзновеніе имутъ ко Престолу Господню, есть еще, такъ называемыя, Лембои, силы посредствующія между духами воздушными и человѣкомъ. Воздушные пищи не принимаютъ, а эти пьютъ и ѣдятъ. Ты знають погоду, забранки, а Лембои къ этому дѣлу не касаются.

Лембои это тѣже люди, только потаенные,—изъ заклятыхъ дѣтей. Когда отецъ или мать, возгорчившись на ребенка, говорятъ недобрѣя слова: *ой Лембой ты дери, ой, изымитко-тя*; нута къ лѣшему, — Лембои тутъ и есть: они похищаютъ заклятыхъ, уносятъ ихъ въ свои жилища, поятъ, кормятъ, растятъ и за тѣмъ посылають ихъ крещенымъ на доброе или злое дѣланіе. Они берутъ подъ свое попеченіе и тѣхъ дѣтей, которыхъ родители оставляють въ лѣсу или полѣ безъ благословенія.

«Разъ я жала на запалькѣ, рассказывала намъ одна женщина, а мужъ сѣялъ рожь. Подъ вечеръ этакъ я и говорю мужу:

Пѣтрей! мнѣ пора идти убирать скотину, такъ я пойду домой; а ты, когда Мишенька то проснется, привези его домой, да смотри не забудь.

Ладно говорить. Ну я и пошла. Вечеръ приходитъ, гляжу, и Пѣтрей прѣхалъ.

А гдѣ же ребѣнокъ? Спросила я.

Тутъ онъ хватился, что ребенка то онъ и забылъ взять; *ой*, говорить, я ребѣнка-то и забылъ.

Охъ ти мнѣ, што ты сдѣлалъ, сказала я и бросилась на заповѣкъ. Прибѣжала туды, гляжу у ребѣнка кто-то стоитъ и байкаетъ. Я остановилась и слушаю; а онъ и не глядитъ въ ту сторону, знаетъ самъ приговариваетъ: *мату оставила, отецъ позабылъ; мату оставила, отецъ позабылъ*. Меня всю такъ обдало холодомъ. Я ужъ смѣкнула, што Лембой тутъ стоитъ а покинута ребѣнка нельзя. Сотворила про себя молитву и думаю: пусть будетъ что будетъ, а пойду. Пришла и говорю; *кумушко, ты качаешь?* Онъ какъ поглядѣлъ на меня, да какъ захохочетъ, одно лѣсъ-то такъ и задрожалъ: *Кумушко, Кумушко!* Загорланилъ, засвисталъ, въ ладоши захопалъ и былъ таковъ. А я схватила ребенка и тягу дала, што нога взяла. Не смѣла оглянуться. До того бѣжала, чуть не пала и едва духъ переводила».

Впрочемъ Лембои не всегда такъ ласково обращаются съ похищенными дѣтьми. По разсказу Леонтія Богданова въ деревнѣ Середкѣ мать выбрала мальчика и мальчикъ пропалъ. Мѣсяца черезъ два послѣ этаго Леонтій Богдановъ шелъ въ лѣсу и, подходя къ дому, видить на воротахъ что-то колышется, анъ сидитъ на воротахъ младенецъ, только бы его взять да крестъ надѣтъ, съ рукъ-то бы его не взяла нечистая сила. Но пока Леонтій Богдановъ прокладдался, разсуждаючи такимъ образомъ, мальчикъ сгинулъ изъ виду.

Другодольные Удѣльницы собой,—черныя волосатая голова растрепана, волосе распушено; онѣ преждевременно вынимають младенцевъ изъ утробы матерней, уродуютъ ихъ и мучать родильницъ.

Если поносная женщина спитъ навзничъ, на распашку, пояса нѣту, а случится на столѣ ножикъ, Удѣльницы вынимають имъ младенца. Оттого рождають уродовъ, или женщина понесетъ, а животъ окажется пустой. Въ Толвуѣ одинъ мужикъ ночевалъ подъ лодкой. Прилетѣла сорока, защекотала, и другая защекотала. Одна другой и говорить: «ты гдѣ была?»

— Я была въ Лопскомъ объ Онего-къ Донилову.

— А што ты сдѣлала?

— Я сдѣлала—ребенка выняла и клала на мѣсто голикъ.

— А ты што сдѣлала?

Мужикъ кашлянулъ. Онѣ пристаи. Мужикъ далъ клятву не сказывать. Ихъ послѣ видали.

Удѣльницы же производять *жилие-трясуцій ударъ* или родимецъ: бьютъ и ломають человѣка, какъ попало. Для спасенія одержимаго этимъ недугомъ—садятъ его на три соломенныхъ креста—и спитъ онъ на

нихъ шесть недѣль—и призываютъ Илью Пророка, чтобы шелъ онъ на помощь, на «черной облакъ и на огненной колесницѣ, и натавулъ бы лукъ свой, и спустилъ бы калену стрѣлу, и убилъ бы врага, и очистилъ бы раба отъ жилине-трясущихъ ударовъ».

Двѣ минуты бываютъ худыя во дни, когда Лембон и Удѣльницы доступаютъ къ человѣку: одна въ самый полдень, другая по закатѣ солнца.

Въ Токвуѣ и Бижакъ, заонежскихъ селеніяхъ, есть ущелья, называемыя *Ижоры* и *Мяморы*. На этихъ горахъ нѣкогда витали двѣ сестры; то и дѣло дѣлали, что блины пекли и съ горы на гору перекидывали. И находилось тамъ многое множество нечистой силы и живутъ тамъ Лембон, нмъ же нѣсть числа. По дорогѣ между деревней Пактигой и Якорь-лядиной, (токвуйской волостн) есть ручей по нынѣ называемый чортовъ ручей: въ прежнее время выходило тутъ большое чудовище—по закатъ солнца сидѣло оно на продольныхъ мостовинахъ, что сложены для перехода изъ деревни въ деревню.

По дорогѣ изъ Космозера черезъ гору въ Фоймугубу есть ручей, донныѣ называемый Букинъ порогъ; отъ древности выходили отсюда Удѣльницы и показывались на розстаняхъ: волосы у нихъ длинные, распущенные, все равно какъ у нынѣшнихъ барышень, а сами черныя. Какъ поставили на розстаняхъ кресты, онѣ исчезли. У самого Букина порога стоитъ крестъ, поставленъ лѣтъ пять сотъ тому назадъ, толстый, здоровый съ вырѣзью, и до втораго пришествія хватить его.

Жители деревни Павловицъ Петрозаводскаго уѣзда, кондопожской волости боятся похулить свое озеро: попей, говорятъ, да похули, врядъ ли живъ будешь. Они не терпятъ и того, если кто другой будетъ хаять воду въ ихъ озерѣ. Скажи только «у васъ водичко худое, воденко мутное, грязное, да въ бубыркахъ»,—они тысячу разъ будутъ повторять: «у насъ водичка хороша, у насъ водичко хорошее».

Въ Пазерскихъ озеркахъ близъ Ладожскаго скита рыбу ловятъ молча; уходя изъ дому, не сказываютъ куда пошли; если сказать, что пошли рыбу ловить, не скоро съ озеръ и выйдешь, а то и совсѣмъ туда устроишься.

Живутъ также Лембон съ полверсты отъ Космозера,—въ щельѣ, на заболотѣ.

Въ Острѣчинскомъ погостѣ, въ 85 верстахъ отъ Петрозаводска, указываютъ четыре мѣста, гдѣ живутъ Лембон: на дорогѣ Князевской, въ пустоши, у мельницы и въ деревнѣ Скуровской.

Лембой живущій въ лѣсу называется *Шишко* или *Подкустовникъ*, пекрещенный, неблагословенный. Которая ягода растетъ, ту не можешь взять, а тогда берешь, когда подъ ноги подернешься, да закланешь: будь проклять я, што подъ ногами не видѣлъ. Шиш-

ко также стережетъ, когда кусокъ кладутъ за обѣдомъ безъ благословенія; хватаетъ его и тѣмъ питается.

Если придется ночевать въ лѣсу, надо попроситься у *Льсоваго хозяина*; а то ночь не пройдетъ тебѣ даромъ, *Шишко* выгонитъ съ ночлега. А угодишь ему, будешь благополученъ.

Жировикъ—настоятель жиры, хозяинъ всего дома. Онъ особенно заботится о скотѣ, сообщаетъ иногда радостныя вѣсти, но чаще всего предсказываетъ невзгоды. Буйный нравъ его сказывается только тогда, когда онъ *жируетъ* въ нежилыхъ хоромахъ.

Если жировикъ не любитъ скотины, лучше и не держи; не будетъ она ни сыта, ни гладка, ни здорова; которая ему по-любя, ту онъ холитъ и кормитъ. Взялъ ты напр. лошадь или корову черную и гляди: если нравится эта масть жировику, скотъ твой свитѣетъ и веселъ; если нѣтъ, то хохлатъ, скученъ, запачканъ и всегда мокрый.

На Тихвинской дорогѣ у одного крестьянина такая была бѣда, что не могъ закупить лошадей. Купить лошадь, утромъ придетъ, а она подъ яслями лежитъ, и овесъ и сѣно не тронуты. Раззорился бѣдный мужикъ. Какъ водится изстари, сталъ онъ по закатъ солнца по угламъ кланяться и прощаться: «*хозяинъ батюшко и хозяйка матушка!* Простите нетронуте мной скотинушки». Вдругъ послышался голосъ: «*хоть бы худенька, да пегенька*» (пестрая). Завелъ мужикъ пегенькую лошадку, и стала она и сыта и гладка и дюжа, и сталъ мужикъ разживаться.

Самый недружелюбный къ человѣку Лембой—это Баянникъ—съ огненными-сверкающими глазами, съ взъерошенными волосами и всегда босой. Онъ часто сдираетъ кожу съ живыхъ людей и давитъ ихъ. Тотъ, кто послѣ всѣхъ моется въ банѣ, не долженъ крестить ничего, а всѣ сосуды оставить на опашку и сказать: «*мойся хозяинъ*». Онъ всегда бываетъ доволенъ, когда оставляютъ ему воды и пару.

Лембой, живущій въ водѣ, называется царемъ водянымъ; онъ небольшой ростомъ, съ сѣдыми распущенными волосами, съ длинными руками и короткими ногами. Онъ живетъ обыкновенно въ водѣ, но по нуждѣ выходитъ и на сушу. Водяной царь злѣе бываетъ тогда, когда зрѣетъ рожь; въ это время маленькихъ ребятъ не пускаютъ купаться; водяники въ это время *перестаются*, т. е. свадебничаютъ.

Водянаго Лембоа ловцы въ водѣ доставаютъ. Если клещицей неткнуто, если въ праздникъ неводъ не вязанъ и не починиванъ, съ того неводу онъ не выйдетъ.

Разъ, говорятъ въ такъ называемомъ, бѣсовомъ ручьѣ, гдѣ Лачиновскій заводъ, вытащили водянаго Лембоа; не большой недоросточекъ, волоса пестрые, весь истыканъ. И спросили его: на гору тебѣ?

— Нѣ-нѣ.

Въ воду?

— Да-да. И сталъ онъ просить и молить: нагору не пошто, пустите въ воду.

Если спустимъ, такъ будешь ли рыбы давать?

— Буду-буду.

Ловцы сжалились и пустили его въ *бѣсовъ ручей*. Послѣ онъ, ахти, много рыбы давалъ.

Лембой передвигаются съ мѣста на мѣсто, и не рѣдко ведутъ борьбу изъ за своихъ владѣній. Любопытна одна хитрость, которую придумалъ одинъ Лембой съ своими врагами, которая впрочемъ характеризуетъ не столько народный взглядъ на Лембоевъ, сколько на духовенство, торгующее святыней.

Приходить этотъ Лембой къ попу и просить одной вещи, а какой выговорить не можетъ: общаетъ только шапку золота. Попъ былъ не простой: догадался, чего у него просить. Взялъ съ божницы крестъ и отправился съ Лембоемъ къ озеру. Пришли на самую середину и стали спускаться въ водяное царство. Тутъ Лембой указалъ попу на крестъ и велѣлъ его выпустить изъ рукъ. Лишь только тотъ выпустилъ, вдругъ поднялся рыкъ, шумъ и визгъ; загорѣлось все водяное царство и сгорѣло до тла. Разбѣжались всѣ тамошніи жители. Лембой велѣлъ опять взять попу крестъ, вывелъ на берегъ, далъ ему шапку золота и сказалъ: «ну, спасибо попъ; тутошніи совсѣмъ было выжили меня изъ своего жилища,—они выселились изъ сосѣднаго озера; нунъ—сжегъ ты все ихъ водяное царство, а я вновь его построю и буду въ немъ царствовать. Спасибо тебѣ! если тебѣ что понадобится, приходи сюда, вызови меня—я буду тебѣ вѣчнымъ слугой. Прощай». Затѣмъ Лембой скрылся.

Въ двадцати верстахъ отъ Петрозаводска на юго-западъ находятся два озера—Машезеро и Лосинское, на разстояніи одно отъ другаго около десяти верстъ. Изъ нихъ вытекаютъ двѣ рѣчки, кои на половинѣ своего теченія соединяются въ одну общую рѣчку, называемую Лосинскою. Водой этой рѣчки дѣйствуетъ Александровскій пушечный заводъ.

Въ 1800 году здѣсь было наводненіе отъ сильныхъ проливныхъ дождей, продолжавшихся отъ половины іюля до половины августа. Вода прорвала плотину, разрушила рудяные сараи и даже унесла въ Онего нѣсколько домовъ, стоявшихъ на сѣверномъ его берегу, у самаго ея устья.

Съ изумленіемъ и страхомъ толпы народа смотрѣли на это явленіе. Въ ихъ глазахъ это событіе было ничѣмъ другимъ, какъ свадьбой въ единомъ царствѣ другодольныхъ. «Машезерскій водяникъ сосваталъ, ска-

жутъ, за своего сына дочку у водяника Лососинскаго, а въ Машезерѣ жить нельзя, тѣсно, да при томъ надо переѣзжать водой, а переѣзжать то нельзя. Лососинскіе положимъ до соединенія рѣчекъ доѣдутъ легко, а тамъ вѣдь въ Машезеро надо идти противъ воды, а другодольныя противъ воды плыть не могутъ».

«Вотъ и уговорились выѣхать съ обѣихъ озеръ; у соединенія рѣчекъ соединить и молодыхъ, а оттуда и плыть вмѣстѣ въ Онего. По этому уговору то они и ѣдутъ теперь большимъ свадебнымъ поѣздомъ въ Онего, гдѣ имъ жить будетъ просторно, и съ собою везутъ приданое, а сверхъ того заводскіе сараи, руду и проч., а сами ѣдутъ скрытно, смѣшали все свое добро съ пескомъ и глиною, такъ что мы ничего не можемъ видѣть, кромѣ сѣрой массы, стремящейся съ шумомъ. Шумъ этотъ ихъ музыка: онѣ веселятся, а мы то грѣшимъ, горюемъ. Вотъ не говоря о казенномъ имуществѣ, общественныхъ мѣстахъ и заводахъ, сколько видете разорили частныхъ домишекъ со всѣмъ имѣніемъ, оставили бѣдныхъ въ однихъ платьяхъ, а тамъ все увлекли въ Онего, да еще веселятся. О, Господи, прости насъ грѣшныхъ!»

Есть наконецъ Лембой, владѣтели кладовъ. Въ деревнѣ Скуровской, Острѣчинскаго погоста, на правомъ берегу рѣки, подъ двумя елями есть, говорятъ, богатый кладъ; имъ владѣетъ Лембой, великой старичище. Достать его, говорятъ, не трудно. Надо только три Ивана, которые бы были въ одинъ день рождены, крещены и крестники. Они должны предъ Ивановымъ днемъ прийти на то мѣсто, гдѣ кладъ, угостить Лембоя свинцовыми орѣхами и три раза сказать: *отдай наше царское имѣніе*.

Любопытно еще знать, что русскій крестьянинъ и Лембоевъ заводитъ въ своихъ разсказахъ туда, куда самъ любить заходить—это именно *во царевъ кабакъ*; разница между ними здѣсь та, что тогда какъ крестьянинъ выпиваетъ рюмку, Лембой успѣваетъ выпивать цѣлое ведро. Таковы особенно каргопольскіе разсказы про Лембоевъ Семенковскаго, обитавшаго въ Семенковскомъ лѣсу, и Звонковскаго—на лѣшовой горукѣ. Оба они часто любили заходить въ кабакъ-Разгуляй и пить тамъ до зѣла зелено вино; «узнавать ихъ здѣсь, говорятъ, есть вѣрныя примѣты: тогда какъ у крещенныхъ всегда правая нога на лѣвой, у Лембоевъ на оборотъ, всегда лѣвая на правой». Можно себѣ вообразить, какъ часто цѣловальники, по этой примѣтѣ видятъ у себя *Лембоевъ*!